

Глава 6. Прибытие в Чаоси

—

В последующие несколько дней пути Лу Лин отвечал за управление повозкой, а Шужуй — за привлечение пассажиров. По дороге они подбирали случайных путников, выручая по два-три вэня. Старания не прошли даром: этих денег хватало и на нехитрую еду для них самих, и на сено для осла.

Десять дней спустя, около полудня, Шужуй наконец завершил свое путешествие длиной почти в месяц и прибыл в столицу префектуры Чаоси.

Путники были покрыты дорожной пылью, но город встретил их процветанием и порядком: повсюду сновали роскошные кареты и породистые лошади — суета и блеск били ключом.

Сидя на ослиной повозке, Шужуй с любопытством оглядывался по сторонам. Вернувшись в места своего детства, он чувствовал себя одновременно и дома, и в гостях. Ребенком он помнил Чаоси как очень оживленное место, и вот, спустя десять с лишним лет, город не просто сохранил прежний облик, но, кажется, стал даже лучше, чем прежде: по обе стороны улиц теснились лавки, а большие улицы и малые переулки переплетались в пестрый узор.

Однако его родителей и старших уже не было в живых. В душе Шужуя бушевал вихрь эмоций. За эти годы он научился полагаться только на себя и постепенно перестал часто вспоминать отца и мать. Но теперь, вернувшись, та глубокая тоска, что пряталась в самом потаенном уголке его сердца, вдруг вырвалась наружу — словно кто-то разбил кувшин с вином многолетней выдержки: аромат хмеля разлетелся вокруг, и как ни старайся, обратно его не собрать.

Его мысли путались, а настроение резко упало. В этот момент Лу Лин, сидевший рядом, придержал осла:

— Мы приехали в город, почему же ты расстроен?

Услышав это, Шужуй отогнал печаль и прикинулся, будто всё в порядке:

— Вовсе я не расстроен, просто отвык от такой суеты, вот и не по себе.

Лу Лин помолчал немного, а потом спросил:

— Тогда, может, тебе в уборную надо?

— ..... Я же говорил тебе: не пей сырую воду из ручья, которую не кипятили, а ты не слушал.

— Шужуй не удержался и ворчливо попрекнул Лу Лина, а затем добавил: — Иди уж, а я здесь...

Он хотел сказать, что подождет его здесь, но увидел впереди патрулирующих улицу стражников: те не позволяли повозкам просто так стоять на дороге. Чтобы найти специальное место для стоянки, пришлось бы снова тратить деньги.

— Давай я поеду вперед, а ты, как закончишь, догоняй? — предложил Шужуй. — Я буду на улице Ши-ли, у пятой лавки. Найдешь?

Лу Лин ловко спрыгнул с повозки:

— Найду.

Отойдя на несколько шагов, он вдруг вернулся и, слегка прищурившись, посмотрел на Шужуя:

— А-Шао, даже если ты сбежишь, я всё равно тебя найду.

Услышав это, Шужуй лишь покосился на него и погнал осла в сторону лавки, не желая даже отвечать. Этот глупый парень с виду такой простофиля, а на деле тот еще хитрец.

Несколько дней назад в пути они снова заспорили о том, супруги они или нет. Шужуй так разозлился, что, пока Лу Лин отлучился в кусты, пришпорил осла и уехал. Кто же знал, что этот человек бегаёт быстрее осла! Он незаметно обогнал повозку, притаился в ветвях дерева и внезапно спрыгнул прямо в телегу, когда Шужуй проезжал мимо. Тот так перепугался, что чуть снова не перевернул повозку!

Шужуй с негодованием вспоминал дорожные проделки Лу Лина, пока незаметно не добрался до цели.

Лавка, оставленная отцом и матерью семейства Цзи, находилась на одной из второстепенных улочек, отходящих от Северной улицы — одной из четырех главных улиц города. У входа в переулок высилась мраморная арка. От времени и дождей она поросла мхом и покрылась темными потеками, но три крупных иероглифа «Улица Ши-ли» всё еще отчетливо читались.

Лавка была совсем рядом с аркой: пятая по левую руку, если входить на улицу. Шужуй и сам был здесь впервые. Он дважды недоверчиво окинул взглядом здание, сверился с окрестностями и, убедившись, что это именно то место, которое он заучил наизусть, остановил повозку у обочины.

Перед запертыми на железный замок дверями захудалой лавки расположился лоток с потрохами. Прямо у стены дымилась печь, в котле бурлил густой бульон, а белый пар, пахнувший сырым мясом и жиром, поднимался до самой перекладины крыши. Неизвестно, как долго здесь велась торговля, но стена у печи успела покрыться слоем копоти — видимо, из топки выпадали угли, а никто и не замечал.

Покупателей в этот час не было. Старик-торговец с желтыми зубами, лениво ковырявшийся в них щепкой, оказался глазастым: он тут же заметил Шужуя и, вскочив, принялся зазывать его.

— Гер, у меня и бараньи потроха есть, и свиные! Отведай миску супа, аромат — на всю округу!

С этими словами он, не дожидаясь ответа, схватил одну из выставленных на прилавке мисок и зачерпнул полчерпака бульона. Его большой палец, державший миску, глубоко погрузился в суп, но торговец этого даже не заметил.

— Попробуй, свежее!

Шужуй подошел ближе, но миску не взял. Он увидел, что всё пространство перед входом покрыто слоем липкой грязи, а стена будто засалена ошметками жира и потрохов — зрелище куда более жалкое, чем просто ветхая лавка. Лавка пустовала десять лет, так что появление здесь уличного торговца было делом обычным — место хоть и не самое проходное, но и не глухое, к тому же платить за аренду земли не нужно.

Только вот торговец этот оказался чересчур нечистоплотным. Судя по тому, в какой свинарник он превратил это место, стоял он тут явно не два-три дня. Если уж торгуешь на одном месте долго, то даже если земля не твоя, прибираться стоит — тем более, когда продаешь еду.

Будучи новичком в этих краях, Шужуй не хотел наживать врагов и вежливо сказал:

— Почтенный отец, желаю процветания вашему делу. Но прошу вас, освободите место. Скоро эта лавка снова откроется. Хоть я и худощав, но сквозь ваш прилавок мне внутрь не просочиться.

Услышав это, старик нахмурился и убрал миску с супом:

— Лавка открывается?

Он оглядел Шужуя с ног до головы и вдруг расхохотался:

— Гер, ты мне зубы-то не заговаривай. Я живу в переулке за этой улицей, и эта лавка не открывалась лет десять. Хозяин её, поди, давно помер, и трава на его могиле уже в несколько человеческих ростов вымахала. С чего бы это вдруг в такой ясный день кто-то пришел её забирать?

Старик запрокинул голову, одним глотком выпил зачерпнутый суп, довольно причмокнул и, склонив голову, спросил Шужуя:

— Ты, небось, присмотрел это местечко и хочешь меня выжить, чтобы самому тут на дармовщину встать?

Слыша такие злые речи, Шужуй помрачнел. Не говоря лишних слов, он достал договор на владение лавкой:

— Почтенный, вы уже в возрасте, попридержали бы язык, ради собственного же блага.

Старик, считавший тон Шужуя странным, лениво поднял глаза на бумагу в его руках. Увидев договор с печатями, он тут же оживился:

— Так лавка и впрямь твоя?

— Вряд ли кто-то станет подделывать документы ради такой развалюхи! — Шужуй убрал бумаги. — Так что, почтенный, освободите-ка проход, мне нужно войти.

Старик притворно охнул и тут же расплылся в улыбке:

— Ох, ну и язык у меня, мелет невесть что! Гер такой молодой, а уже хозяин целой лавки. Я-то, недоучка, думал, надо мной подшутить решили. Раз уж гер столько лет за лавкой не присматривал, мне жалко стало, что такое добро пропадает. Вот я и встал тут торговать — и за лавкой приглядывал, и «дух торговли» в этом месте поддерживал.

Рассыпавшись в любезностях, он добавил:

— Я сейчас прилавок чуть в сторону отодвину, мешать тебе не буду. Зато теперь тут будет шумно и весело!

И он принялся бодро двигать свой лоток. Шужуй всё понял: старик намекал на то, что собирается и дальше бесплатно занимать место у его дверей. Видимо, решил, что молодой гер — добыча легкая, и можно наглостью добиться своего.

Если сейчас дать слабину и позволить этому старому лису остаться, завтра все соседи на улице будут считать Шужуя «мягкой хурмой», которую можно безнаказанно мять.

Шужуй тут же громко произнес:

— Почтенный, если вы не боитесь, что, когда я начну прибираться в лавке, пыль и грязь испортят ваш чудесный суп, то платите мне за место по рыночной цене. И тогда действительно будет «шумно и весело»! Обычно за место платят за три месяца вперед плюс залог за один месяц — итого за четыре. Вы сейчас рассчитаетесь или как? Договоримся сразу, чтобы потом не было обид.

Старик застыл, не веря своим ушам: «Надо же, какой бойкий язык у этого гера!» Но он не сдавался. Понизив голос, он жалобно запричитал:

— Гер, я человек бедный, у меня дети не пристроены, все мне в рот заглядывают. Вы человек богатый, знатный, неужто не выделите мне кроху, не оставите старику путь к спасению?

Шужую стало смешно: он давно перестал верить в эти сказки про бедность и страдания. С милой улыбкой он ответил:

— Что ж, все мы люди бедные и подневольные. Дам я вам один день на раздумья. Сходите домой, сравните цены на другие места. Если завтра принесете деньги — договоримся. А если нет, то место это я за вами держать не стану.

Видя, что Шужуй ни капли не сочувствует старости, старик разозлился. Удивительно — откуда у такого молодого гера такой характер? Он перестал прикидываться бедняком и перешел на поучения:

— Ты такой молодой, а уже только о деньгах и думаешь! В каждом слове — корысть, ни капли человечности! Твоя семья, поди, ростовщицеством промышляет?

Шужуй ответил:

— Почтенный, вы то лаской, то гневом сыплете — у меня аж в глазах рябит. С таким талантом вам не супом торговать, а в театре выступать — там бы вам точно рукоплескали!

— Ты!..

Старик на миг лишился дара речи. Грудь его вздымалась от ярости. Он не верил, что не сможет совладать с каким-то юнцом! Он просто уселся на табурет и нагло заявил:

— Я тут столько лет торгую, все старые клиенты знают это место. Если я уйду, они и к тебе не придут. Я тебе покупателей привожу, а раз ты моей доброты не ценишь, так сам мне плати!

Шужуй понял: старик включил «режим бродячего пса» — просто словами его не выгнать. Его взгляд упал на осла, который стоял у дороги и лениво отмахивался хвостом от мух. После долгого пути у животного на морде засохла белая пена. Его не мыли этим утром, и от него уже немного неприятно пахло.

Глаза Шужуя блеснули. Он подвел осла к самой лавке и привязал его к вязу прямо перед входом. Не обращая внимания на старика, он принялся осматривать старый заржавевший замок на дверях.

Торговец фыркнул, сложил руки на груди и прикрыл глаза, делая вид, что дремлет. «Иди-иди внутрь, — думал он, — а я с места не сдвинусь, буду торговать как ни в чем не бывало».

Но спустя мгновение скотина, привязанная прямо перед лотком, не только перегородила проход, но и привлекла тучу мух своим запахом. Осел выгнул спину и смачно наложил кучу прямо перед печью с котлом. Старик хоть и был неряшлив, но всё же продавал еду. Любой нормальный человек, увидев перед прилавком нечистоты, обойдет его за версту — кто ж захочет хлебать суп в такой вони? Да и кто знает, не залетели ли брызги в котел.

Поняв, что торговля накрылась, старик подпрыгнул:

— Эй, гер! Твой осел нагадил!

Шужуй мельком глянул на кучу и невозмутимо произнес:

— Почтенный, не взыщите. У всякого живого существа есть нужды. Освобожусь — приберу. Навалил у своих дверей, так что ничего страшного.

— Ох! Да как можно быть таким нечистоплотным! — старик, зажимая нос, принялся собирать свои плоски. — Такой молодой, а порядка не знает, да еще и уродец — кто ж тебя замуж-то возьмет!

— И то верно, — кивнул Шужуй, выпрямляясь. — Вы говорили, у вас сын не женат? Сколько ему лет? Если подойдет, я бы мог присмотреться.

— Ишь, чего захотел! — сплюнул старик. Ругаясь на чем свет стоит, он, не ожидая такого отпора и бесстыдства от молодого гера, в сердцах покатил свою тележку прочь. Но обида была так велика, что он решил бросить напоследок угрозу: — Ну погоди у меня, откроешь ты тут лавку, я тебе устрою...

Но не успел он договорить, как чья-то рука крепко схватила его за шиворот и приподняла над землей.

— Э! Э-э!

Ноги старика повисли в воздухе. Он не видел того, кто стоял сзади, и даже не заметил, когда этот человек появился. Перепугавшись до смерти, он заверещал:

— Господин, пощадите! Отпустите меня, давайте поговорим по-хорошему!

Шужуй увидел Лу Лина с его вечно холодным лицом. Вид у того был пугающий, и Шужуй побоялся, что тот и впрямь применит силу. Старик хоть и был на язык остер, но кости у него старые — удара не выдержат. Если покалечат его, будут сами виноваты, да еще и деньги потеряют.

— Отпусти его. Таскать его на весу — ему ни горячо ни холодно, только сам руку натрудишь.

Лу Лин с явным недовольством разжал пальцы. Старик мешком рухнул на землю, ноги его дрожали. Только теперь он увидел, что его держал молодой мужчина. Хоть и худощавый, но статный, а за поясом — огромный меч. Торговец даже дышать боялся.

Шужуй отметил про себя: старый хитрец перед сильным мужчиной сразу присмирел. Он подошел к нему и спросил:

— Почтенный, может, попросить моего двоюродного брата помочь вам дотолкать тележку до дома?

Старик окончательно сдался:

— Не надо, не надо! Сами справимся! Занимайтесь своими делами!

И, будто пятки смазал маслом, припустил по улице со своей тележкой, боясь, как бы его не догнали.

Шужуй отряхнул руки, глядя вслед убегающему старику. «Везде найдутся такие наглецы», — подумал он. Лу Лин же нахмурился, втайне досадуя, что не пришел раньше и позволил какому-то проходимцу обижать Шужуя.

— Мог бы и не тратить на него слова. Подождал бы меня, я бы сам во всем разобрался.

Шужуй улыбнулся. Он был благодарен Лу Лину за заботу, но не хотел привыкать полагаться на других. В Чаоси ему придется всё тянуть самому. Если при каждой трудности звать на помощь, то лучше было остаться в доме Бай и выйти замуж. Зачем создавать здесь проблемы?

Хотя они и провели вместе десять дней, и Лу Лин был уверен, что они супруги, и во всем слушался его, Шужуй никогда не забывал: они — лишь случайные попутчики.

Как только он осмотрит лавку, он тут же разузнает про того мастера иглоукалывания. Как только память к Лу Лину вернется, он выплатит ему компенсацию, и их пути разойдутся.

Шужуй не стал делиться этими мыслями, лишь сказал:

— Главное — прогнали, а кто — неважно. Ну всё, идем, посмотрим, что там внутри.

—

<http://bllate.org/book/17079/1593051>